

УДК 81

Егоркина Ю.Д.

Егоркина Юлия Дмитриевна, аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Проспект Ленина, 125), email: juegorkina@mail.ru.

Научный руководитель: **Токарев Григорий Валериевич**, доктор филологических наук, профессор кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Проспект Ленина, 125), email: grig72@mail.ru.

ВЕРБАЛЬНЫЕ ОБЕРЕГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается функционирование вербальных оберегов в художественной литературе как особого типа речевых формул, обладающих апотропейной и смыслообразующей функцией. Автор приходит к выводу, что в литературном тексте вербальные обереги становятся не только защитной речевой практикой, но и художественным приёмом, выражающим ценностную позицию героя, его отношение к смерти, памяти, любви и жертве.

Ключевые слова: вербальный оберег, художественный текст, лингвокультурология.

Egorkina Yu.D.

Egorkina Yulia Dmitrievna, Postgraduate student of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language of the Tula State University named after L.N. Tolstoy (Tula, Lenin Avenue, 125), email: juegorkina@mail.ru.

Scientific supervisor: **Tokarev Grigory Valerievich**, Doctor of Philology, Professor of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language of the Tula State University named after L.N. Tolstoy (Tula, Lenin Avenue, 125), email: grig72@mail.ru.

VERBAL PROTECTORS IN FICTIONAL TEXTS

The article examines the functioning of verbal amulets in fiction as a special type of speech formulas that have an apotropaic and meaning-forming function. The author concludes that in literary texts, verbal amulets become not only a protective speech practice, but also an artistic device that expresses the character's value system, their attitude towards death, memory, love, and sacrifice.

Keywords: verbal amulets, literary text, linguoculturology.

В устной народной традиции вербальные обереги реализуют защитную функцию: от болезней, сглаза, воздействия нечистой силы и негативных вербальных воздействий. Эти формулы, по своей сути, направлены на отведение беды. Однако их роль не ограничивается только фольклорной традицией. В художественной литературе такие выражения обретают новую, более сложную смысловую структуру: они становятся символами духовного сопротивления, знаками внутреннего мира героев, средством взаимодействия с потусторонним и с личным страданием.

Ярким примером сакральной формулы в литературе можно считать реплику из повести Н.В. Гоголя «Вий»: «Упокой, Бог, её душу...» [1]. Эти слова произносит главный герой, Хома Брут, в финале произведения, пережив три ночи ужаса в противостоянии с ведьмой-панночкой. Контекст этой реплики не просто завершение страшной истории, но момент глубоко символический: пересечение границы между жизнью и смертью, между страхом и милосердием. Несмотря на весь пережитый ужас, фраза Хома не наполнена криком отчаяния, напротив, она звучит как заупокойная молитва,

как акт примирения и прощения. Герой возвращается к молитвенной интонации, восстанавливая через слово утраченную гармонию.

Фраза «Упокой, Бог, её душу» восходит к православным заупокойным обращениям и несёт в себе ритуальный характер. Это формула не только церковная, но и народная, включённая в повседневную культуру через похоронные и поминальные практики. В устах Хомы она становится одновременно и защитой, и прощением: с одной стороны, произнесённое слово охраняет его от дальнейшего вторжения зла, с другой – выражает акт милосердия к душе умершей. Таким образом, вербальный оберег становится пограничным словом, замыкающим мистический конфликт и возвращающим порядок в разрушенный мир. Слово здесь не просто речь, но ритуальное действие, имеющее силу трансформировать реальность.

Другую, не менее выразительную форму вербальных оберегов мы находим в прозе Валентина Распутина. В его повести «Прощание с Матёрой» речевые формулы, кажущиеся бытовыми, обретают особую смысловую нагрузку. Например, в финальных сценах звучат такие слова: «Вода не дай бог мореная, ее там травят чем-то, чтоб Ангарой не пахла», «Лесенка не дай бог крутая» [3]. На первый взгляд, это простые опасения, высказанные в народной манере. Однако формула «не дай бог», повторяющаяся в этих репликах, является не просто выражением тревоги – это настоящая апотропейная формула, вербальный щит, с помощью которого человек пытается оградить себя от зла, выразить страх и не допустить беды.

Подобные фразы особенно значимы в контексте финала повести, где идёт речь о разрушении деревни – живого организма, наполненного памятью, связью поколений и сакральным пространством. Вода, очищенная химикатами, воспринимается как осквернённая, «не пахнущая Ангарой» – то есть лишённая идентичности. Формула «не дай бог» становится способом сохранить хотя бы словесную границу между своим и чужим, между живым и мёртвым. Она позволяет героям выразить духовный протест против утраты, защититься от угрозы забвения. В этом случае оберег не просто отголосок

фольклора, а средство сопротивления экзистенциальному разрушению, символ культурной стойкости. Через такую речь герои как бы воссоздают пространство памяти и смысла, противостоя хаосу внешнего мира.

Особый драматизм обретает вербальный оберег в пьесе А.Н. Островского «Гроза». Катерина, героиня трагедии, произносит сакральную формулу «Поезжай с Богом», прощаясь с Борисом [2]. Эта фраза, привычная в народной речи, здесь наполняется глубокой внутренней напряжённостью. В ней соединяются мотив благословения, жертвенности, тревоги и предчувствия. Катерина не просто отпускает любимого, а передаёт его под защиту высшей силы, снимая с него вину и ответственность. В этом прощании чувствуется не только любовь, но и отголосок собственной трагедии: фраза «с Богом» становится косвенным прощанием с самой собой.

Борис чувствует опасность в этих спокойных, будто будничных словах. Слова Катерины, действительно, маскируют финальное решение, которое она уже приняла. Они звучат как вербальный оберег, оберегающий не её саму, а другого – как последний дар, акт любви и освобождения. Формула, привычная для отправления в путь, в контексте пьесы становится символом жертвы и экзистенциального предела.

Таким образом, в художественной литературе вербальные обереги выполняют не только защитную, но и глубоко смысловую функцию. Они – границы между мирами, между жизнью и смертью, между памятью и забвением. Будучи формулами фольклорного происхождения, в художественном контексте они обретают новую, многоуровневую значимость: становятся актами прощания, сопротивления, благословения. Через сакральное слово герой вступает в диалог с судьбой, пытается изменить или смягчить её ход. И в этом – живая сила языка, его способность не просто отражать мир, но и воздействовать на него.

Список источников

1. Гоголь, Н.В. Вий. – М.: Эксмо, 2024. – 288 с.
2. Островский, А.Н. Гроза: драма в 5-ти действиях. – М.: Стрекоза-Пресс, 2007. – 175 с.
3. Распутин, В.Г. «Прощание с Матёрой. Пожар»: повести. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – 256 с.